

Кухонные двери и окна были плотно закрыты. Нин Гуйчжу сидел во дворе, продолжая возиться с бамбуковыми полосками, твёрдо решив во что бы то ни стало закончить сегодня клетку.

— Чжу-гер.

Оклик донёлся от ворот. Нин Гуйчжу поднял голову, разглядел, кто пришёл, прижал обрабатываемые полоски табуретом и поднялся.

— Невестка? Ты как тут... — он не договорил и заметил за ней носильщиков с поклажей.

Ван Чуньхуа распахнула калитку:

— Я как раз возвращалась и встретила их - они дорогу спрашивали, вот и привела. Вы сегодня немало накупили. И ткани столько - зачем так много? — затем обернулась к носильщикам: — Ставьте всё в зал.

— Хорошо, — отозвались те.

Зная, что это дом главы стражи Сюна, носильщики не осмелились разглядываться, быстро сгрузили вещи и поспешили уйти, даже не услышав, как Нин Гуйчжу предлагает им воды.

Когда они ушли, Нин Гуйчжу беспомощно сказал:

— Да разве Цзиньчжоу настолько страшный?

Ван Чуньхуа рассмеялась:

— Боятся они или нет - неважно. Главное, чтобы ты не боялся.

Услышав в её словах поддразнивание, Нин Гуйчжу смущённо потёр кончик носа и, чтобы сменить тему, вернулся к вопросу, который она задала при входе:

— На мне сейчас одежда из хорошей ткани, но я подумал сшить несколько комплектов из грубого полотна - в них удобно работать в поле.

— Это верно, — кивнула Ван Чуньхуа.

Она и спрашивала-то мимоходом: как им жить - дело молодых, ей, как старшей невестке, ни к чему лезть слишком глубоко. Оглядев двор, она спросила:

— А где второй брат?

Нин Гуйчжу указал на цыплят и утят:

— Отправил его за дикой травой - порубить и покормить их.

— А, понятно.

Ван Чуньхуа зашла всего лишь провести носильщиков, дома у неё ещё были дела. Сказав пару фраз, она уже собралась уходить, но Нин Гуйчжу её остановил, зашёл на кухню и вынес чашку, до краёв наполненную шкварками.

— Невестка, возьми с собой, приготовь что-нибудь. Их и так можно есть, и с овощами обжарить - тоже вкусно.

Увидев полную чашку шкварок, Ван Чуньхуа замахала руками:

— У нас в доме мяса хватает, оставьте себе, тебе с вторым братом.

— Знаю, — Нин Гуйчжу, улыбаясь, сунул чашку ей в руки. — У нас тоже ещё есть. Просто из сала жира выходит много, а после этого кто знает, когда ещё удастся поесть такую штуку.

Аромат шкварок так и тянул к себе, щекоча нос, устоять было трудно. В конце концов Ван Чуньхуа не выдержала ни соблазна, ни уговоров Нин Гуйчжу и, прижимая чашку обеими руками, торопливо ушла домой, почти вприпрыжку.

Проводив её взглядом, Нин Гуйчжу снова сел на табурет и продолжил плести недоделанный накрытый садок.

Сюн Цзиньчжоу вернулся с полной бамбуковой корзиной дикой травы. Заметив сложенные в зале вещи, он невольно нахмурился:

— Я же говорил, пусть оставят у ворот.

Нин Гуйчжу, не поднимая головы, ответил:

— Невестка показала им дорогу, вот и разрешила занести внутрь.

Вот как. Сюн Цзиньчжоу кивнул и больше ничего не сказал. Раньше он просил оставлять вещи у ворот лишь потому, что переживал: его нет дома, а Нин Гуйчжу один, вдруг кто-то попробует его обидеть.

Сюн Цзиньчжоу сложил собранную траву в сторону, поискал по дому и вытащил деревянный чурбак, взявшись за тесак, чтобы рубить зелень. Каждый занялся своим делом, и ни один из них не заговорил.

Клетка, над которой возился Нин Гуйчжу, наконец была готова. Он размял плечи, поднялся и, оглядев двор, поставил клетку у стены неподалёку от собачьей будки, после чего принялся носиться по двору, ловя цыплят и утят и отправляя их внутрь. Ноги у птенцов были короткие, бегали они медленно; стоило их поймать, как они начинали истошно пищать и дрыгать лапками, всем видом выражая панику. К счастью, Нин Гуйчжу действовал ловко - вскоре все оказались в клетке, и писк постепенно стих.

Он присел рядом, немного понаблюдал и, убедившись, что ни один из птенцов не сможет протиснуться через щели, обернулся к Сюн Цзиньчжоу, который всё ещё рубил траву.

Увидев, что зелени нарезано уже немало, Нин Гуйчжу сказал:

— Хватит, этого достаточно. Они ещё маленькие, много всё равно не съедят.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу отложил нож, сгреб нарубленную траву и, не перекладывая, принёс её к клетке. Верх у нее был открыт, чтобы удобно было засыпать корм и наливать воду. Сюн Цзиньчжоу рассыпал зелень сверху. Неожиданно посыпавшаяся еда на миг снова всполошила цыплят и утят, но, поняв, что это корм, они тут же принялись клевать траву, изредка разгребая её крошечными лапками.

Сюн Цзиньчжоу ещё немного посмотрел на цыплят и утят, а затем его взгляд будто невзначай скользнул к Нин Гуйчжу. Почувствовав на себе это внимание, Нин Гуйчжу очнулся от мыслей и с недоумением слегка наклонил голову. Сюн Цзиньчжоу тут же в растерянности отвёл взгляд.

Нин Гуйчжу: «...»

— Отведи меня посмотреть на землю у дома, — сказал он после паузы, — потом зайдём к родителям забрать зерно и заодно возьмём семена, надо расчистить двор и посадить овощи.

— Прямо во дворе сажать? — Сюн Цзиньчжоу замялся.

— А нельзя? — удивился Нин Гуйчжу.

— Да не то чтобы нельзя... — Сюн Цзиньчжоу почесал затылок и пояснил: — Этот двор я покупал как усадебный участок, думал потом ещё дом достраивать.

Нынешняя планировка дома и так едва-едва подходила для жизни вдвоём, а если в будущем... если появится ребёнок... места уже точно будет мало.

Нин Гуйчжу не уловил скрытого смысла его слов, немного подумал и сказал:

— Двор ведь большой. Нам хватит маленького огорода, чтобы было что есть, а остальное можно посадить за двором. А если сажать за двором, нужно идти в уездную управу за землёй?

— Если пустошь не больше пяти фэней, её можно осваивать самостоятельно, — покачал головой Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу кивнул, запоминая.

Договорившись, они оставили двух щенков сторожить дом и сначала пошли осмотреть семейную землю. У семьи Сюн условия по меркам крестьян были очень даже неплохими: пять му верхних полей, шесть му средних, три му нижних и целый один му расчищенной земли, специально отведённой под овощи.

Осмотрев грядки с молодой зеленью и убедившись, что у семьи Сюн есть все нужные овощные культуры, Нин Гуйчжу вместе с Сюн Цзиньчжоу отправился к дому родителей.

У крестьян не бывает праздных дней: хоть весенние полевые работы уже закончились, конец весны - время бурного роста диких трав. И стар и млад выходят их собирать: часть идёт в повседневную пищу, часть нужно заготовить и обработать впрок, на зиму. К тому же ещё приходится заготавливать дрова и сушить их сразу на целый год.

Поэтому, когда они пришли в дом Сюн, взрослых там не оказалось, были только дети. Цзиньбо и Чуаньшуй резали дикуую траву, а Сюн Иньинь складывала нарезанную зелень в корзину с дождевыми червями; у всех троих лица были перепачканы землёй.

Увидев их, старший, Сюн Цзиньбо, тут же сказал:

— Дядя, дядя Чжу, бабушка сложила зерно на кухне, сказала, чтобы вы сами забрали и унесли.

— Хорошо, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу и по привычке направился к детям, но на полпути вспомнил о чём-то и обернулся к Нин Гуйчжу.

Тот уже наклонился и поднял Сюн Иньинь на руки:

— Ты помоги им ещё немного порезать траву. А вы двое сюда, вытрите лица.

— Есть! — дружно откликнулись мальчишки.

Сюн Чуаньшуй тут же сбегал и принёс тазик с водой и полотенце. Нин Гуйчжу взял его, зачерпнул воды, намочил ткань и тщательно, по очереди, вытер всем троим лица, затем вымыл им руки.

— Всё, теперь можете идти играть. Только далеко не убегайте и в грязи не валяйтесь.

— Хорошо... - ответили они послушно.

Сюн Цзиньчжоу дорубил всю дикую траву, смешал её с червями и отнёс в курятник за домом, высыпав корм внутрь. Нин Гуйчжу пошёл следом, издали глянул на кур в загоне - упитанные, видно, что за ними хорошо ухаживают.

Покормив кур, Сюн Цзиньчжоу нашёл ключ и открыл кухонную дверь. В середине кухни громоздились корзины и мешки, доверху наполненные зерном. Они прикинули объём: была и пшеница, и рис, больше всего сушёной кукурузы, чуть меньше батата. Вынесли всё во двор и снова заперли кухню.

Зерна оказалось немало, во дворе нужно было оставить кого-то присматривать, поэтому Сюн Цзиньчжоу велел Нин Гуйчжу остаться, а сам несколько раз сходил туда-обратно, перенося всё домой.

Трое детей куда-то убежали. Нин Гуйчжу закрыл калитку, и они вместе с Сюн Цзиньчжоу отправились обратно. Зерно сложили во дворе, в зале - покупки, сделанные сегодня. Если встать у ворот, казалось, что добра набралось изрядно. Окинув всё это взглядом, Нин Гуйчжу повернул голову и спросил:

— А у нас есть погреб?

Столько зерна оставлять просто на улице нельзя.

— Есть, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Он подхватил два мешка с зерном и понёс их на кухню. Нин Гуйчжу, увидев это, взял ещё один мешок и пошёл следом. Вход в погреб находился в углу у шкафа. Пол был выложен зеленой кирпичной плиткой, а верёвка для открытия люка была спрятана за шкафом, так что, если бы он сам не увидел, как Сюн Цзиньчжоу открывает его, обычный человек ни за что бы не догадался, где он.

Внизу стояла длинная лестница. Закрепив люк, Сюн Цзиньчжоу одной рукой спустил вниз два мешка с зерном. Погреб после постройки так ни разу и не использовали, но выкапывали его на совесть, да и каждый год подправляли, так что хранить там зерно было вполне безопасно.

Нин Гуйчжу сверху подавал мешки и заодно оставлял в кухне понемногу каждого вида зерна, чтобы было удобно брать для готовки. Прохлада погреба подходила для хранения куда лучше, чем кухня, и Нин Гуйчжу не удержался от вопроса:

— Может, и мясо часть туда уберём? За раз всё равно не съедим, а так ещё испортится.

— Можно, — кивнул Сюн Цзиньчжоу. — На шкафу есть корзины, сложи туда и подавай мне.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу нашёл бамбуковую корзину там, где сказал Сюн Цзиньчжоу. Он отрезал примерно треть грудинки и сложил её вместе с тем кусочком сала, который подарил мясник, а остальное уложил в бамбуковый короб и передал Сюн Цзиньчжоу.

В полумраке погреба Сюн Цзиньчжоу прищурился, оглядел содержимое и повесил корзину на деревянный крюк посередине погреба. Разместив запасы зерна, он поднялся наверх и закрыл люк. Следом они принялись разбирать и раскладывать купленные вещи.

В спальне, помимо кровати, стояли лишь сундук для одежды и постели да стол с двумя стульями. Ткань, нитки и ножницы в итоге положили на стол, Нин Гуйчжу мысленно отметил, что нужно поскорее сшить из этого одежду.

Керамические тазы и горшки вымыли и дали воде стечь. Затем Нин Гуйчжу разлил соевый соус, уксус и соевую пасту по трём небольшим банкам. Большую банку с пастой из соусной лавки плотно закрыли и убрали на верхнюю полку шкафа, а разлитое по маленьким банкам вместе с маслом и солью поставили на среднюю.

Закончив с этим, он сложил отцеженные шкварки в миску, а остывшее сало перелил в маслёнку. Жира получилось много, маленький глиняный сосуд не вместил бы всё, и Нин Гуйчжу взял ещё один, подходящего размера, заполнив его доверху.

Когда со всем этим было покончено, дом наконец можно было считать приведённым в порядок.